

На правах рукописи

Ху Цзяжуй

Ху Цзяжуй

**АНТИУТОПИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ
ДИСКУРСЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2024

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы филологического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения Высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Научный руководитель:

Коваленко Александр Георгиевич - доктор филологических наук (10.01.01), профессор, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Официальные оппоненты:

Кихней Любовь Геннадьевна – доктор филологических наук (10.01.01), профессор, профессор, заведующая кафедрой истории литературы и журналистики факультета журналистики Московского университета имени А.С. Грибоедова.

Куликова Дарья Леонидовна – кандидат филологических наук (5.9.1), старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет».

Защита состоится 28 июня 2024 г. в 12 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета ПДС 0500.007 при Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 730

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите размещено на сайтах ВАК и РУДН: <https://vak.minobrnauki.gov.ru>, <https://www.rudn.ru/science/dissovet>

Автореферат разослан 27 мая 2024 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета ПДС 0500.007

кандидат филологических наук

Н.Е.Расторгуева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Русская культура и русский национальный дух нашли свое яркое образное воплощение в современной постмодернистской литературе, являющейся наследницей русской классической литературы. Наиболее яркими представителями этого направления являются Венедикт Ерофеев, Татьяна Толстая, Саша Соколов, Виктор Пелевин, Владимир Сорокин и др. В литературных произведениях XX и XXI веков можно найти интертекстуальные отсылки к мифологии и разнообразным религиозным мотивам, а характер антиутопизма стал приметной особенностью русского постмодернизма в целом. Исследователи пишут о постмодернизме как наследнике классической традиции: он «является ее несомненной наследницей и продолжательницей – иронизирующей, пародирующей, иногда издевающейся, но наследницей и продолжательницей»¹. Постмодернистский релятивизм оказался вполне совместимым с «морализмом русской литературной классики». Особые нити связывают постмодернизм с соцреалистическим дискурсом, с оригинальным совмещением «реалистических и сказочно-мифологических элементов»².

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью понять характер и особенность воплощения и влияния утопических и антиутопических элементов, мифов и религиозных элементов в русской постмодернистской литературе на современном этапе. Содержание и смысл религиозных и мифологических концепций, представленных в литературных произведениях, варьируются от одного произведения к другому. Высказываемые художественные идеи также разнообразны. Поэтому автор диссертации считает необходимым в данной работе сосредоточить преимущественное внимание на четырех наиболее репрезентативных писателях русской постмодернистской литературы: Венедикте Ерофееве, Викторе Пелевине, Владимире Сорокине, Татьяне Толстой.

Утопические и антиутопические характеристики, а также мифологические и религиозные элементы занимают значительное место в поэме В. Ерофеева «Москва-Петушки», в романах В. Пелевина «Чапаев и пустота», «Generation П», «Жизнь насекомых», «СССР Тайшоу Чжуань», «Священная книга оборотня», в повестях и романах В. Сорокина «Метель», «День опричника», «Теллурия» и других. Однако недостаточно просто

¹ Мащенко А.П. Имитация Христа в поэме Венедикта Ерофеева "Москва - Петушки" // Вопросы русской литературы. 2012. №22 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imitatsiya-hrista-v-poeme-venedikta-erofeeva-moskva-petushki> (дата обращения: 18.02.2023).

² Там же, с. 9.

констатировать наличие названных элементов в текстах постмодернистов. Важно понять смысл и значение религии и мифологии в концептуальном целом произведения, определить формы и характер воплощения антиутопического мышления.

В поэме «Москва-Петушки» Вен. Ерофеев вводит обширный пласт христианских элементов, в поэме обнаруживается большое количество фрагментов и цитат, ссылающихся на библейские сюжеты. В. Пелевин в романах «Чапаев и Пустота», «Generation П», «Священная книга оборотня» внедряет в текст ряд концептуальных буддистских элементов, а также сюжетов из восточных религий и сказок. В произведениях В. Сорокина «Метель», «Теллурия», «Ледовая трилогия» находят воплощение элементы утопии и антиутопии.

В названных произведениях можно обнаружить некоторые «точки» взаимного соприкосновения. Писатели-постмодернисты пытаются рассказать истории, которые были бы одновременно правдоподобными и фантастическими, они конструируют свои художественные миры, расположенные на границе между иллюзорным и реальным. Тексты нередко лишены указания на конкретное время действия, неясно, когда разворачиваются события, формируя, как следствие, уникальный пространственно-временной континуум с уникальной образной системой повествования.

Степень разработанности темы. Исследование постмодернизма в России началось в 1990-е гг. Первой научной книгой в России на эту тему можно считать монографию М. Липовецкого³. 1990-2000-е годы стали временем интенсивного исследования общих закономерностей эстетики постмодернизма и изучения поэтики отдельных авторов и их произведений. Распространение самого литературного течения прямо или косвенно отражало изменения в современной российской культурной мысли и структуре эстетического сознания читателей. Его расцвет в конце эпохи Советского Союза компенсировал драматический провал советского социалистического реализма и «маргинализации» русской литературы. Произведения русской постмодернистской литературы демонстрируют попытку авторов отказаться от старой, традиционной идеологии и использовать новые идеи для проведения реформы в культуре, способствуя эмансипации литературного и интеллектуального мира современной России. Литературный критик Вяч. Курицын без преувеличения считает: «Постмодернизм стал единственным

³ М. Липовецкий. Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики). Екатеринбург. 1997.

живым фактом в литературном процессе»⁴. Китайский исследователь русского языка и русской литературы Ли Синьмэй вслед за ним полагает, что именно трансформация культуры привела к инновациям в литературе, и именно «изменения в культуре заставляют читателей почувствовать элементы новой русской литературы»⁵.

Российские писатели, критики, российские ученые и социологи проявили и продолжают проявлять большой интерес к мифологическим и религиозным элементам, к утопии и антиутопии в постмодернизме. Указанная проблематика так или иначе затрагивалась в монографиях таких ученых, как А. Коваленко⁶, И. Скоропанова⁷, А. Монастырский⁸, О. Богданова⁹, Н. Ковтун¹⁰, М. Эпштейн¹¹, Д. Кротова¹², Чжэн Юнван¹³, Ли Синьмэй¹⁴, Вэнь Юся¹⁵. Анализу антиутопии также посвящены статьи и книги Н. Арсентьевой, М. Геллера, М. Золотоносова, Б. Ланина, В. Васильева, О. Лазаренко, А. Зверева, В. Лакшина, И. Шайтанова, И. Роднянской, Р. Гальцевой, С. Семеновой, О. Матич.

Методология. Методологической и теоретико-философской основой диссертационного исследования послужили труды выдающихся философов Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ю. Лотмана, В. Топорова, М. Бахтина, Линды Хатчон, В. Межуева, Н. Бердяева, Ван Чжихэ и теоретиков постмодернизма, таких как Вячеслав Курицын, М. Липовецкий, И. Скоропанова, Гао Цинь,

⁴ Курицын В. Русский литературный постмодернизм // МОГИ, 2001- С.4

⁵ Ли Синьмэй Тенденции культурной мысли в русской постмодернистской литературе // Китайская пресса общественных наук. – 2012. - С.3

⁶ Коваленко А. Г. Литература и постмодернизм: учебное пособие // - Москва : Изд-во Российского университета дружбы народов- 2004.- С. 112-129.

⁷ Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М: Флинта : Наука, 2007 .- С. 167

⁸ Словарь терминов московской концептуальной школы // Сост. и авт. предисл. Андрей Монастырский. - М. : AdMarginem. - 1999.- С. 103-123.

⁹ Богданова О.В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы: (60-90-е годы XX - начало XXI в.). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ. 2004.

¹⁰ Ковтун Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Изд. 2-е. – 2014.

¹¹ Эпштейн М. Постмодерн в русской литературе. — М.: Высшая школа, 2005. — 495 с. Mikhail N. Epstein (Epshtein). Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture (with Alexander Genis and Slobodanka Vladiv-Glover). (Русский постмодернизм: Новые перспективы постсоветской культуры). New York, Oxford: Berghahn Books, 1999, 528 pp.; 2nd revised and expanded edition, 2016, 580 pp.

¹² Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. – Москва : МАКС Пресс, 2018. – 224 с.

¹³ Чжэн Юнван. Исследование постмодернистской литературы у Пелевина. Издательство «Народная литература». 2006.

¹⁴ Ли Синьмэй. Тенденции культурной мысли в русской постмодернистской литературе. Китайская пресса общественных наук. 2012. – С. 10-16.

¹⁵ Вэнь Юся. Культурная стратегия русской постмодернистской художественной литературы, Китайская пресса общественных наук. 2010.- С. 21-25

Виктор Тейлор, И. Хассан, а также работы таких литературоведов, как А. Коваленко, М. Уваров, Чжэн Юнван, Ли Синьмэй, Вэнь Юся и других.

Выбор методологических оснований основывается на использовании комплексного подхода, на детальном изучении литературных произведений. Кроме того, используются сравнительно-исторический метод, культурно-исторический метод, метод структурного анализа и другие методы исследования литературы: интертекстуальный анализ, биографический комментарий, внутренний и контекстуальный анализ текста.

Предметом диссертационного исследования служат тексты следующих произведений: поэма Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки», романы В. Пелевина «Чапаев и Пустота», «Generation П», «Священная книга оборотня», повесть В. Сорокина «Метель» и роман «Теллурия», роман Т. Толстой «Кысь», а также некоторые другие российские и зарубежные постмодернистские литературные произведения, в которых отражены религиозные и мифологические элементы, утопический и антиутопический дискурс жанра романа.

Объектом исследования являются мифологические и религиозные составляющие репрезентативных художественных текстов названных писателей, их функционирование в произведении, их роль в выполнении художественной задачи автора в контексте эстетики постмодернизма. Наряду с этим, усилия направлены на выявление жанровой специфики воплощения утопического и антиутопического мышления, их варьирование в текстах писателей разных творческих установок.

Гипотеза диссертации состоит в следующем. Устоявшиеся представления о жанрах утопии и антиутопии, а также художественные функции религиозно-мифологических составляющих текста произведения, претерпели существенные изменения, что обусловлено радикальной сменой мировоззренческих, социально-политических парадигм в обществе, а также возникновением, наряду с традиционными, новых эстетических векторов (постмодернизма). Утопия и антиутопия перестают восприниматься как диаметрально противоположные жанры, их сменяют жанровые симбиозы, различные варианты дистопий, специфика которых объясняется различием в решении конкретных художественных задач. Религия и мифология в «неклассических текстах» все больше уходят от своего «прямого» просветительского или проповеднического назначения, подвергается постмодернистской «деконструкции», обретают новые формы (игры), наделяются новыми функциями (авторский миф). Антиутопический и религиозно-мифологический дискурсы тесно связаны друг с другом, взаимно «прорастают» один в другом. В современной дистопии элементы языческих,

христианских и восточных мифов и религий играют определяющую структурную роль.

Решение названных вопросов даст возможность расширить представление о нарратологических стратегиях авторов, о комплексах основных тем, об отношениях авторов к героям своих произведений, об авторской позиции в целом, и наконец, о специфике жанра антиутопии в контексте современной литературы и эстетики постмодернизма.

Целью предпринятого исследования является определение жанровой специфики и места современной антиутопии в контексте современной российской литературы, ее места в широкой мировоззренческой картине современного общества, а также типологии современной антиутопии. Исследования преследует цель раскрытия роли средств и методов воплощения в литературе религиозно-мифологического дискурса, ее специфики и прагматики.

Названным целям соответствуют следующие задачи :

1. Осмыслить и научно обосновать мировоззренческие, идеологические и эстетические установки, из которых «произрастают» религиозно-мифологические темы, раскрыть художественные способы актуализации авторских задач.

2. Воспроизвести конципированный образ автора и раскрыть специфику авторской позиции в том или ином конкретном произведении. Раскрыть внутритекстуальные связи, возникающие в пространстве текста между автором и характерами, представляющими те или иные слои сферы современного общества.

3. Охарактеризовать жанровую специфику и образно-художественные элементы постмодернистской антиутопии в произведениях В. Ерофеева, В. Пелевина, В. Сорокина, Т. Толстой. Определить их место в структуре произведения, выявить соотношение доминирующих и периферийных жанровых аспектов и тенденций.

4. Проанализировать интертекстуальную составляющую текстов произведений избранных авторов в указанном аспекте. Показать глубинную связь элементов мифологии и антиутопии в их соотношении с релевантными текстами русской и мировой литературы.

Научная новизна диссертации заключается в следующем.

1. Разработана принципиально новая концепция функционирования жанра дистопии в русской литературе, предполагающая динамическое со/противопоставление элементов утопического и антиутопического мышления автора. Что касается утопии и антиутопии как жанров, то им отводится роль умозрительной теоретической модели.

2. Обоснована сквозная модель развития утопизма/антиутопизма, в которой советская литература рассматривается как этап в создании масштабной и универсальной художественной картины общества.

3. Представлена модель развития утопизма/антиутопизма в контексте литературного процесса этого времени. Обоснована идея о том, что религиозно-мифологический дискурс в литературе постмодернизма является жанрообразующим аспектом дистопии.

4. Осуществлен целостный анализ религиозно-мифологической и антиутопической концепции авторов-постмодернистов в аспекте идейных, пространственно-временных и стилевых составляющих. Предложенные результаты включают выводы о месте и роли элементов языческих и религиозных мифов, восточных религий, в частности, даосизма и буддизма в жанровой структуре художественного текста.

Теоретическое значение исследования заключается в следующем. Работа дает представление о функционировании утопии и антиутопии в российской литературе XX в. Произведения, где находят воплощение утопия и антиутопия, предлагается рассматривать лишь как теоретические умозрительные модели, которые на практике конвертируются в дистопии. В дистопии обнаруживается реальное воплощение антиномии «за» и/или «против», в каждом конкретном произведении дистопия принимает индивидуальный вид, отражающий мировоззрение автора. Теоретически дистопия предполагает результирующее взаимодействие различных составляющих, в том числе преимущественно религиозно-мифологического мотивов.

Выводы исследования вносят свой вклад и в эстетическую теорию постмодернизма. Последний предстает как экспериментальная «платформа», где классические философские и религиозные модели не только не отменяются, но и приобретают новые качества, «деконструируются».

Научно-практическая значимость данного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования особенностей утопизма, антиутопизма, религиозных и мифологических составляющих постмодернизма. Основные положения данного исследования могут послужить материалом для нового университетского курса в рамках направления подготовки «Литературоведение».

На защиту выносятся следующие положения:

1. В литературоведении привычно ставить рядом два термина, полагая что они представляют собой диаметрально противоположные явления. На практике это противопоставление не работает. Как невозможен

роман в жанре чистой утопии, также невозможна антиутопия без своего «противовеса» - утопии. Даже «классические» антиутопии (Е. Замятина, А. Платонова, В. Набокова) не могут не содержать в себе элементов утопии. Любое произведение такого рода является симбиозом утопии и антиутопии. Поэтому будет более точным говорить об *утопическом* или *антиутопическом мышлении*, воплотившемся в романе, а само произведение маркировать как *дистопию*. В дистопии утопизм или антиутопизм антиномически взаимно определяют друг друга.

2. В литературе XX века дистопия претерпевает эволюцию, обусловленную самой историей и взглядами на нее. Запрет на художественную утопию или антиутопию в советской литературе объясняется доминированием доктрины научного социализма, который не давал жизненного пространства другому, альтернативному мышлению. С другой стороны, советская общественная и государственная система построенная в соответствии с теорией научного коммунизма, осмысливалась как реализованная в действительности вековая утопия. Литературу о ней в духе социалистического реализма можно рассматривать как продукт утопического мышления, а критику на него - как антиутопию. Наиболее наглядный пример – повесть М. Булгакова «Собачье сердце». В ней противопоставление утопии и антиутопии метафоризируется и персонализируется. В образе Шарикова мы видим сатирическое осмеяние продукта теории «нового человека», а его развенчание - в лице профессора Преображенского. Повесть - это блестящий пример советской дистопии.
3. Борьба утопизма и антиутопизма вообще определяет специфику развития всей советской литературы. Она приобретает интенсивный характер в 1950-1960 годы на волне развенчания культа и оттепельных процессов в литературе. Антиутопизм как тенденция деконструкции социалистической утопии находит свое воплощение творчестве В. Гроссмана, А. Солженицына, В. Распутина, В. Шаламова, В. Войновича, Е. Евтушенко, всех тех писателей, которых принято рассматривать как интеллектуалов либерального крыла. И наоборот, романы с апологией советской системы – в том числе «секретарская проза», являются если не образцами утопии, то точно воплощением утопизма, или ее остатков. Однако есть и иные разновидности утопического мышления, например, романы И. Ефремова конца 1950-начала 1960 х гг., где утопизм автора вырастает из естественно-

- научных концепций («Лезвие бритвы») или стоит на футурологическом принципе («Гуманность Андромеды»).
4. Во второй половине века пробуждается тенденция футурологической антиутопии, где происходит возвращение к классическим образцам (В. Войнович и Е. Замятин), а полем действия является будущее. Активным «ферментом» здесь становится популяризация научной фантастики (Б. Стругацкий и др.). Однако утопическое мышление также обнаруживает свою активность. Антиутопический скептицизм писателей-традиционалистов стимулировал создание таких произведений, в которых «память о прошлом» была «памятью о прекрасном прошлом» - миф о «Ладе» В. Белова, миф о «крестьянской Атлантиде» В. Распутина.
 5. Постмодернистская раскованность и свобода 1990-2000 года ферментизировала антиутопическое мышление, дала основание существенно расширить экспериментальное поле. В творчестве В. Сорокина, В. Пелевина, Т. Толстой обнаруживаются различные варианты дистопий, появление которых обусловлено как индивидуальной творческой манерой, так и общим для всех постмодернистов стремлением к деконструкции традиционных устоев и канонов. Появляются «ретроантиутопия», «лингвистическая антиутопия», «евтопия», «антропологическая антиутопия» в романе В. Сорокина «Теллурия», демонстрирующие уход от «репрессивного дискурса» (в ранней прозе) к «метаязыковому» (в поздней). Объектами деконструкции становятся не только национальные и советские стереотипы, но также мифы и религия. Тотальный антиутопизм как способ мышления обнаруживается в романах В. Пелевина, также представляющих собой различные модификации жанра дистопии. Религиозно-мифологический дискурс современных дистопий является структурообразующим и жанрообразующим факторами, например, у Т. Толстой в романе «Кысь».
 6. Таким образом, существование «чистых жанров» утопии или антиутопии представляется весьма проблематичным, это скорее умозрительные модели жанра. Зато дистопию следует квалифицировать как жанр, реально существующий, в нем находит воплощение утопическое и антиутопическое мышление их авторов. На практике, разновидностей дистопий может быть столько же, сколько и конкретных произведений, так как мировоззрение автора благодаря тематике и сюжету продуцирует различные вариации жанра. Например, «тоталитарная дистопия» («Омон Ра»),

«буддистская дистопия» («Чапаев и Пустота»), «консьюмеристская дистопия» («Generation П»).

Практическая значимость работы заключается в использовании анализа, положений и результатов исследования в учебных пособиях, курсах лекций, практических занятиях по истории русской литературы XX века и современной российской литературы.

Обоснованность и достоверность результатов. Высокая степень достоверности результатов исследования обеспечивается прочной теоретико-методологической базой, основу которой составили исследовательские труды отечественных и зарубежных ученых-литературоведов. Обоснованность выводов подкреплена также выверенным эмпирическим материалом – произведениями современной литературы, в которых представлены наиболее характерные и ярко выраженные особенности религиозно-мифологического и антиутопического дискурсов современной прозы.

Апробация. Диссертация прошла апробацию в виде докладов на Международной конференции «Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура» (Москва, РУДН, апрель 2023), «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)». (МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, декабрь)2023.

Характер предмета исследования и особенность подхода к нему определили структуру данной диссертации. Работа состоит из Введения, двух глав (которые, в свою очередь, делятся на параграфы), Заключения и Списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Глава 1. Антиутопия и антиутопизм в творчестве писателей-постмодернистов посвящена раскрытию содержания категорий, истории их изучения и интерпретации в отечественном литературоведении, их функционирования в творчестве наиболее ярких представителей рубежа XX–XXI столетий. В параграфе 1.1 «Понятия утопии, антиутопии, дистопии и евтопии в литературоведении» приводятся различные точки зрения на указанные понятия и аргументируется тезис о том, что эти явления следует рассматривать в неразрывном единстве друг с другом. Обосновывается представления об этих явления не как жанровых характеристик художественного текста, а как отражение мировоззренческих поисков автора, нашедших свое воплощение в оригинальном дискурсе, который и может быть назван *утопически-антиутопическим дискурсом*. Утопия и антиутопия с

точки зрения современных исследователей не следует противопоставлять, они не являются диаметральной противоположностью.

Как показано в диссертации, XX век характеризуется чрезвычайно интенсивным освоением дискурса утопии и антиутопии, и это связано с глобальными историческими трансформациями, происходившими на протяжении всего столетия. Происходили изменения в структуре, появлялись новые вариации и модели. Можно говорить о том, что утопии и антиутопии претерпевали эволюцию сообразно с теми историческими вехами, которые ее обусловили. Утопия - это не только произведение об обществе идеальном и несуществующем в реальности, но это и произведение, в котором отражается утопия осуществившегося настоящего – «советская утопия».

Эстетика постмодернизма с ее приоритетом расширения и свободного манипулирования границами художественного пространства и времени обусловила появление произведений, в которых объектом художественных экспериментов стала история. В литературоведении возникло понятие альтернативной истории, или жанр исторического романа альтернативной истории. В основании сюжета такого романа лежит концепция возможности иного развития истории, с допущением элементов фантастики. Свобода вымысла и широта воображения, отталкивание от реальной истории страны, концептуальная игра, возможность мысленного эксперимента сближает такой исторический (точнее, псевдоисторический) роман с антиутопией, или дистопией. Реальная история переводится писателем в сугубо игровое русло, обеспеченное допущением возможности «другого вектора», источник которого находится в прошлом. Поворотный пункт избирается автором отчасти произвольно, но во многом обусловлен поворотными событиями реальной истории. Эксперимент часто несет в себе возможность иронической или юмористической «игры в «историю», как это происходит в рассказе Т. Толстой «Сюжет» (1991), где «деконструкция мифа-концепта «Пушкин» обретает статус своеобразного «фирменного» жеста». К мифу о Пушкине обращается А. Битов в рассказе «Вычитание зайца» (2001), здесь философия случая нацелена не на деконструкцию мифа, но напротив, на *конструирование* пространства, в котором феномен Пушкина обретает более объемный смысл и значение.

Гораздо ближе к канонической дистопии те произведения, в которых заложен сильный идеологический элемент, и тогда «философия случая» мотивирует создание параллельного пространства, где идея находит свое вполне серьезное, а не шутливое «реальное» воплощение. К таким текстам можно отнести роман В. Аксенова «Остров Крым» (1979), где мысленный эксперимент с историей представлен как идеологическая концепция.

В иных случаях альтернативная история, воплощенная в дистопии, могла нести сатирический и обличительный пафос. Так, в романе В. Войновича «Москва 2042» (1986) средствами пародии и гротеска, создается публицистически усиленная модель реализации «большевистской идеи построения коммунизма в одной отдельно взятой стране».

Тема литературы как «корректора истории» получила свое развитие в творчестве В. Пелевина. При всей постмодернистской специфике его сюжетов и обстоятельств, его тексты, особенно написанные в 2010-е годы, несут в себе неявную «на поверхности», но по сути глубинную идею возможности «иной» истории. Так, в романе «Смотритель» (2015) разыгрывается сюжет параллельной истории в теневом мире Идиллиуме. Попытку реконструкцию российской и мировой истории предпринимают персонажи романа «Лампа Мафусаила или крайняя битва чекистов с масонами». Правда, эта попытка завершается неудачно, так как реальное течение истории не дается возможности ее коррекции. В любом случае, мировоззрение В. Пелевина предполагает наличие ситуации *выбора*.

Таким образом, роман альтернативной истории, рассматриваемый как вариант дистопии, может нести в себе разнообразные стратегические векторы и мотивы – от чисто игровой до политические заостренной или философски окрашенной. В любом случае, дистопия под название «альтернативная история» служит художественной лабораторией в которой разыгрываются различные варианты, которые служат объемному и всестороннему осмыслению истории реальной.

Параграф **2.2. «В. Пелевин: между утопией и антиутопией»** посвящен рассмотрению воплощения дистопического дискурса в конкретных произведениях автора, в частности в его романе, в частности в его романе «Generation П» (1999). Обзор многочисленных работ свидетельствует о том, что полемика о В. Пелевине оставила нерешенным вопрос о жанровой идентичности его прозы: относить ли ее к утопии или антиутопии, или не относить ни к какому из указанных свойств. Существуют, по крайней мере два подхода: одни и те же тексты специалисты-филологи относят к утопии или к антиутопии (М.А. Камратова). Согласно А. Бобылевой. более продуктивным является выявление «способов и форм *трансформации* (курсив А. Бобылевой) антиутопического метажанра в его прозе».

Можно согласиться с этим утверждением исследователя с той лишь поправкой, что оба вектора – антиутопический и утопический – могут вполне уживаться в одном и том же произведении, утопия может сопровождаться акцентуацией неизбежности ее разрушения, воспоминание об утопическом прошлом - соседствовать с социальной сатирой. Наличие такого

метажанрового синтеза позволяет использовать для анализа термин «дистопия». Указанный синтез и наблюдается в анализируемом в данном параграфе романе «Generation П».

В диссертации делается вывод о том, что роман В. Пелевина не ограничивается простой критикой советской или буржуазной утопии. В нем связываются воедино различные жанрообразующие аспекты – пародия, ирония, мифология, политические и экономические темы. Утопизм и антиутопизм образует в нем связанное единство, позволяющее говорить о романе как дистопии, или метаутопии. Художественный метод писателя представляет собой сложное взаимодействие постмодернистских и реалистических установок миромоделирования, вследствие чего происходит расширение границ и форм дистопического дискурса. О романе «Generation П» можно говорить, как о превращении утопии в антиутопию, и такая трансформация является характерной особенностью постмодернизма.

Модель современного общества потребления, нарисованная В. Пелевиным, несет в себе особенности тоталитарного общества. В отличие от «этатических» моделей, зафиксированных в «канонических» антиутопиях Е. Замятина, Д. Оруэлла, О. Хаксли, государства мы здесь не видим. Политическая акцентуация заменена социально-экономической. Оранус, в котором тотальная нейтрализация личности с помощью медиа является одной из базовых основ существования человека, можно рассматривать как аналог «Идеального государства» Е. Замятина. В романе В. Пелевина мы не увидим Великого благодетеля, зато в нем есть диктат идеи о превращении индивида в счастливое существо через деперсонализацию и насаждение потребительского стереотипа. Место Великого благодетеля заняло всемогущее медиа, пропагандирующее те же идеи – человек счастлив, когда сыт и трудится во имя главной идеи, при этом лишен индивидуальности. У Замятина мы видим «механическую модель», где общество уподоблено машине подавления и принуждения к выполнению государственных функций. В. Пелевин снижает «уровень» потребностей и интересов – его тоталитарная модель низводится на биологический уровень.

В параграфе **2.3. «В. Сорокин: от антиутопии к евтопии»** рассматриваются особенности антиутопического миромоделирования известного писателя. Антиутопизм В.Сорокина отчетливо звучит в прозе начала 2000-х годов. В повести «День опричника» (2006) и сборнике рассказов «Сахарный Кремль» (2008) формируется образ «будущей России», по версии В. Сорокина, изолированной от мира, погружившейся вследствие этого в патриархальное прошлое, но сохранившей и развивающей при этом свою технологическую динамику. Писатель ощутимо педалирует аллюзии

политического свойства: изолированность России (внешние и внутренние враги, строительство Русской стены) является следствием ее имперских амбиций, авторитарной системы правления и отсутствия свободы.

Анализируемая в диссертации повесть «Метель» (2010) стала продолжением основной темы, мотивов и антиутопического вектора, намеченного в предыдущих книгах. Россия и ее судьба в фокусе изображения, только иное время и иная стилистика. Остается неизменными приемы. Их, как минимум два. Первый – использование высокотехнологичных устройств и «гаджетов» на фоне социально-бытовой архаики («мерины», «умницы», «радио», «самокаты»). Второй – наличие «психотропного» элемента, приобретающего у В. Сорокина нагруженную смысловую функцию. В «Дне опричника» это «золотые рыбки», в «Метели» – «пирамиды». (Позднее, в «Теллурии» – чудодейственный гвоздь»). Очевидно, что эти два образно-нарративных момента функциональны в антиутопизме В. Сорокина: первый создает общий контекст технологического прогресса, второй несет в себе символику общего для всех стремления к счастью и исполнения общей или индивидуальной мечты.

Есть еще одна особенность повести «Метель» связана с изменениями в нарративной стратегии. И она обнажила внутреннее противоречие, давно присущее его творчеству – между эстетической манифестацией художника и его реальной практикой. С одной стороны, он «чистый» экспериментатор-лингвист, как он себя позиционирует, и в таком случае его творчество вряд ли заслуживает привычного литературного анализа, в нем не следует искать *образы, идеи, типы* и другие привычные категории литературоведения. С другой стороны, читатель обнаруживает художественные идеи, мировоззренческие аспекты, несовместимые с простым языковым экспериментом. «Государь», «детское шествие» на Красную площадь и прочие детали несут в себе явные сатирические аллегории политического свойства.

Диссертация обосновывает необходимость применения философского понятия трангрессия по отношению к художественному методу В. Сорокина. В. Сорокин сплошь трангрессивен: преодоление этических табу, литературных канонов, привычных понятий, языковых границ, временных и пространственных – его стихия. Если ранее, она в основном ограничивалась пределами языка, то позднее она распространилась на всю литературу. Она нарушает границы физического мира: самодвижущиеся телеги, собаки-роботы, странники-псоглавцы, теллуриевый гвоздь, забиваемый в голову, ледяной молоток, разбивающий грудь, золотая рыбка, проникающая в кровь опричников – все это примеры телесной физической трангрессии.

Выделяются, по крайней мере три разновидности трансгрессии у В. Сорокина: размывание границы между буквальным и тропологическим; нарушение границы между ментальным и физическим; между физическим и метафизическим. К перечисленному добавляется намеренное нарушение эстетического канона. Так, повесть «Метель» демонстрирует нарушение реалистического письма, благодаря трансгрессивному внедрению элементов других дискурсов – символического, сказочного, модернистского.

Чем более зрелым становился писатель, тем более расширялся масштаб его трансгрессивной стратегии. Постепенно она поглотила все аспекты реалистического письма, и прежде всего реализм как метод. Реалистический дискурс все более стал рассматриваться писателем как исходный материал, «пластилин» или «глина», из которого «лепится» конечный продукт. В повести «Метель» за исходный материал берется реалистический архетип метели и реалистический нарратив о русской интеллигенции. Ошибочно ставить образ доктора Рагина у Сорокина в один ряд с доктором у Чехова, а ситуацию метели в один ряд с пушкинской или толстовской. У Сорокина они пародийны, если под пародией понимать вторичность и заимствованность. Сорокин отлично знает русскую литературу, но рассматривает ее не как вместилище мыслей и идей, а как возможности «поглумиться» над наивным восприятием читателя, поиздеваться над «идейностью» русской литературы. Поэтому «метель» становится «антиметелью», развенчанием реалистической традиции, трансгрессивным переводом ее в русло антиутопии. Принимая во внимание его исходную творческую позицию («литература - это просто буквы на бумаге») «Метель» мы интерпретируем как утопию в лингвистическом понимании: русская литература - это «место, которого нет», иными словами – русская литература - это симуляция реальности и симуляция литературы, во-первых, в силу самой образной природы литературы, во-вторых, по причине сорокинского «текстоцентрического» мировоззрения.

В диссертации утверждается тезис о неправомерности анализа В. Сорокина («Метель», в частности) с позиции традиционного литературоведческого знания. Поскольку у В. Сорокина текст - это «просто буквы на бумаге», то у него, следовательно, нет идей, нет метафор, нет образов. Есть только эксперимент с ресурсами языка, испытание языка на прочность, а потребителя – на способность «поглощать» эти тексты. В. Сорокин позиционирует себя как «провокаатор» языка. Утопизм/антиутопизм является следствием его тотальной трансгрессии. Утопизм/антиутопизм переступает границы традиции, в нем доминирует «чистый материал», не наделенный духовно-интеллектуальным смыслом, автор брезгливо

отмахивается от принципа достоверности, от искренности, и так же пренебрежительно относится к читателю, в сущности обезличивая его.

Борясь с нормативной литературой, Сорокин впитал в себя все самое достойное, что создала русская литература. Но В. Сорокин «вторичен», потому, что источником его труда становится не жизнь, а литература. Сорокин мастер блестящей стилизации. Тому пример – повесть «Метель» как квинтэссенция русской литературы, роман «Роман», воспроизводящий стиль и язык 19-го века. Его метель «вторична», так как выросла из образцов классических текстов. И это не классический «образ», а скорее художественный «концепт», иллюстрирующий возможности «продукта» русской реалистической прозы 19-го века, и с другой стороны, представляющий платформу для различных трансгрессий. Реализм – это источник и почва для трансгрессивных игр, создающих новые смыслы в новых условиях. Итак, внутреннее противоречие В. Сорокина не только не разрушительно, но, даже продуктивно, оно имеет конечным результатом новый постмодернистский продукт – лингвистическую дистопию.

В Главе 2. «Религиозно-мифологический дискурс постмодернизма» анализируется роль и место религиозных и мифологических мотивов в эстетических концепциях писателей-постмодернистов. В параграфе **1.2. «2.1. Мотивы языческой и христианской мифологий в антиутопиях Т. Толстой и В. Сорокина»** дается критический обзор мнений разных исследователей, касающихся данного вопроса. Наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой миф и религия не могут быть отторгнуты «проектом постмодерна», так как они являются устойчивыми и базовыми доминантами человеческого сознания, имеющими глубокие корни. Эстетика постмодернизма вынуждена была освоить, «переварить» и сделать их частью своей системы. Именно в это время на литературном поле возникают явления, в которых можно обнаружить свободу художественных интерпретаций религиозного опыта авторов. Многие русские писатели обращаются к темам, прямо или косвенно связанным с религией и мифологией. В произведениях писателей-постмодернистов ощутимы философские мотивы, так или иначе ассоциирующиеся с образом Иисуса Христа и православия. В произведениях Вен. Ерофеева, В. Сорокина, Т. Толстой, С. Соколова обнаруживаются персонажи, сюжетные истории или религиозные идеи, так или иначе связанные с христианством, и не только с христианством, но и с другими мировыми религиями. Идея Бога (Создателя, Абсолюта) настойчиво звучит почти во всех романах В. Пелевина.

В постмодернистской литературе образы сумасшедших, дураков, пьяниц и уродцев нередко наполняются оригинальной художественно-эстетической

спецификой религиозного свойства. Большинство из них уродливы лишь внешне, они неординарны в своем поведении, а их жизнь протекает в сложных условиях. Эти персонажи сильно отличаются от героев классической литературы 19-го века с привычными для них идеалами правды, добра, красоты и гуманности. Они также сильно контрастируют и с высокими и совершенными героями литературы социалистической утопии.

Наиболее полным образом православные аспекты в контексте постмодернистской эстетики нашли свое характерологическое воплощение в образе **юродивого** (Вен. Ерофеева, С. Соколова и др.).

Феномен юродивости обогатил систему персонажей русской постмодернистской литературы. Причина, по которой писатели-постмодернисты проявляют интерес к юродивости, проистекает из способности сочетать серьезную этическую проблему с языковой игрой, избегая таким образом субъективной моральной проповеди автора. Феномен юродивости также стал важным средством делегитимации традиционных ценностей, этики, морали. Такой концептуальный подход делает менее жесткой оппозицию между правдой, добром, красотой и ложью, злом и уродством, оппозиция сменяется плюрализмом и открытостью. Таинственность, духовность и иррациональность феномена юродивых помогают автору объективно отразить разнообразие и сложность реального мира.

Еще одним распространенным мотивом, в основании которого лежит религиозно-мифологические основания, является **эсхатологизм**. Эта тема нашла свое отражение в современной прозе в виде религиозных и мифологических сюжетов, представлений о конце мира, смерти человечества, или даже личной смерти.

В диссертациях дан подробный анализ системы образов языческой и христианской мифологии в романе Т. Толстой «Кысь» (2000). Показано, что образная система романа включает в себя аллюзии как советской, так и христианско-языческой мифологии, украшенные в дополнение фольклорными элементами. Исследование системы образов трилогии В. Сорокина «Лед» (2006) и романа «Теллурия» (2013) обнаруживает богатое разнообразие в использовании проекций христианской и общемифологической символики – Круга, Луча (божественного света), Братства, Сердца (как аналога Души), символического предмета, условного аналога христианского Креста (ледяного топора, теллуриевого гвоздя).

В параграфе 2.2. «**Библейская деконструкция Венедикта Ерофеева**» раскрывается своеобразие поэмы «Москва-Петушки» (1973) как примера

наиболее последовательного воплощения библейского текста в аспекте постмодернистской эстетики.

Вен. Ерофеев своей поэмой подверг деконструкции устоявшиеся общественные догматы и представления. Объектом деконструкции стала советская официальная культура, пропагандистские установки, господствовавшие философские учения (марксизм-ленинизм), исторические нарративы большевизма, институты власти, а также святое писание и церковь. Бунт против власти догматов носит стихийный характер, он порожден внутренним органическим чувством главного героя.

Поэма «Москва-Петушки» стала выражением глубинного неприятия коллективистской пропаганды, отказа от ложной патетики. Автор жаждет уважения личных ценностей и свобод, он не воспринимает себя простым «кирпичиком», которое государство и партия использует для строительства величественного здания коммунизма.

В поэме Веничка предстает в образе раскаявшегося и одновременно мятежного святого, юродивого, цель которого обвинить Бога в абсолютной власти и заодно - несправедливость тоталитарной системы. В монологе героя звучит чувство оскорбленного достоинства, он до глубины души уязвлен неуважением власти к человеку, высокомерием, наглостью и хамством, равнодушием и грубостью, попранием достоинства простого человека, необремененного властью и не имеющего возможности ответить. В итоге герой гордо отвергает систему, отказывается от общественного мироустройства, уходит во «внутреннюю эмиграцию».

Вен. Ерофеев воплотил в поэме своеобразную «философию пьянства», «настоянную» на карнавальном (в понимании М.М. Бахтина) и диалогическом началах. В основании этой философии лежит идея «порочного круга» Люди пьют, потому что есть предпосылки к этому, потому что не имеют достойного существования, и наоборот, пьянство еще более усиливает общее неблагополучие. Веничка понимает это, и его сознание наполняется ощущением общего трагизма.

В диссертации последовательно доказывается, что неверно сводить интерпретацию образа Венички исключительно к юродивости. Его роль в поэме гораздо более значима. Веничка своеобразная проекция Христа, а его хождения по мукам ассоциируются с муками Христовыми. Образ интерпретируется как «имитация Христа», имеющая отношение к двум традициям – собственной библейской и традицией русской классической литературы XIX. Поэма пронизана десятками библейских образов, сюжетов, мотивов, аллюзий. Главный герой поэмы несет на себе несомненный отблеск личности Спасителя. Последовательное сопоставление героя с Христом

начинается уже в первой главе «Москва. На пути к Курскому вокзалу» и продолжается вплоть до финала поэмы.

Художественный мир поэмы содержит в себе два смысловых ключа, делящих ее на два условных пространства. Одно реальное, достоверное – Москва, Курский вокзал, Красная площадь. Другое пространство библейско-мифологическое, оно соткано из аллюзий библейской истории, присутствуют элементы христианской мифологии (ангелы, демоны, сфинкс, мотивы русских народных сказок, персонажи русской литературы. В поэме «Москва-Петушки» есть два основных смысловых «ключа». Мифологической компонентой наполнено и значение образа Петушков как некоего запредельного итога, который для героя принципиально недостижим. «Петушки» символизируют «землю обетованную», к которой стремится душа поэта.

Е. Ерофеев деконструировал Библию, сделав ее неким идейным «фундаментом» поэмы. Многие истории и главы священного писания использованы в произведении. Можно говорить в связи с этим о «скрытом внутреннем сюжете», который подпитывает энергией текст произведения.

Параграф 2.3. «В. Пелевин: Пустота как абсолютная дистопия» посвящен анализу религиозно-мифологических мотивов в романе «Чапаев и Пустота» (1996). Роман В. Пелевина обладает особой ценностью не только потому, что в нем можно обнаружить оригинальную интерпретацию буддизма, и не только потому, что он демонстрирует возможности постмодернистской эстетики. Он ценен потому, что за всеми постмодернистскими «декорациями» скрывается нечто подлинное. Автор не только «деконструирует» и «делегимизирует» советские мифы, он побуждает к размышлениям о судьбах отечества, об истории отечества. Опора на буддизм конечно имеет яркий художественный эффект, но конечная цель имеет вектор, направленный к реальности. Роман В. Пелевина прочитывается как книга о прошлом и будущем отечества с позиции художественного (постмодернистского) воплощения утопии и антиутопии с опорой на религию и мифологию.

Читатель вовлечен в интертекстуальный диалог текстов. Он обнаруживает в нем «постмодернистское двоимирие», представленное как противопоставление мира реального миру иллюзорному. Эффект противопоставления достигается благодаря художественным заимствованиям из разных культурных пластов. Аллюзии, цитаты, реминисценции являются своеобразными окнами между временными, пространственными и культурными пластами. Такая связь свидетельствует о целостности его художественного мира. Дистопическая концепция романа обозначена уже на

первых страницах романа, где описание эпизодов революции подвергается пародийной деконструкции. Обращение в этой теме не новое, впервые она намечена в раннем рассказе «Хрустальный мир» (1991). В романе в духе постмодернистской профанации истории 1990-х гг. мы видим пьяных революционных матросов, употребляющих кокаин, «переобувшегося» в чекисты фон Эрнена, пародийную пьесу «Раскольников и Мармеладов». В дальнейшем деконструкции подвергаются история комдива Чапаева и комиссара Фурманова, советские анекдоты о Чапаеве. Все эти детали так или иначе вносят вклад в дистопическую структуру романа. В романе не одна и четыре дистопии по числу героев и количеству представленных ими «видений»

В центре между ними дистопии располагается теория психиатра Тимура Тимуровича Канашникова. Согласно этой теории, которую очевидно разделяет и автор романа, сознание индивидуума и - шире – общественного сознания утопично по определению. Утопия может быть деградативной или прогрессивной. По первой, идеал находится в прошлом, а история представляет собой разрушение мифа о «золотом веке». По второй – идеал находится в будущем, к нему ведет целенаправленная деятельность. К деградативному утопизму относится китайское сознание, к прогрессивному – европейской. Теория Канашникова предполагает, что в рассматриваемом вопросе утопические векторы равнозначны для отдельного индивидуума и для всего общества. Патология сознания возникает вследствие перекосов в сторону той или иной крайности. Все варианты дистопий свидетельствуют в художественном целом романе о несостоятельности позитивного идеала ни в каком виде. Итогом эксперимента становится «Пустота».

В параграфе **2.4. «В. Пелевин: Буддистская дистопия»** приводится анализ романа «Священная книга оборотня» (2004). В сюжете романа имеют место несколько взаимосвязанных конфликтных схем. Первая это противопоставление лисьего и волчьего оборотничества, за которым просвечивает антиномия Востока и Запада. Другим антиномическим противопоставлением является противоречие между миром оборотней и миром «бесхвостых обезьян». Третьим является конфликт двух миров – мира Радужного Потока, коррелята идеи полноты жизни, где скрепляющим основанием является любовь и другого мира, который лишен света жизни.

Оборотни являются существами высшего порядка и противостоят «бесхвостым обезьянам», как вариант: «*рыночному человеку*» (курсив В. Пелевина). Чистая высокая любовь противостоит сексу без любви. Поэтому лиса с сожалением и издевкой наблюдает за своими «пациентами» - «сикхом» и «ментами». Гимн любви звучит как апофеоз в финале романа. В романе

«просвечивает» и дистопическая составляющая. Если упростить всю сложность образов и мотивов, сведя их к простой схеме, то можно увидеть, что Лиса представляет утопическую буддистскую концепцию поиска счастливого мира, пусть даже в виде Радужного потока, которого вовсе и «не существует». С оборотнем Александром вполне увязывается антиутопизм в форме неприятия им как учения А Хули, так и других аспектов современного мира. Антиутопическое возмездие приходит в романе в виде пса Гарма, прообразом которого является пес Пиздец (из романа «Generation П»). Не случайно поэтому у оборотня Александра, превращающегося на сей раз в черного пса, прорастает «пятая нога» с когтями.

Постмодернистский финал романа очень напоминает по настроению, общему пафосу, оптимистическому финалу и по механизму «обнажения приема» роман В. Набокова «Приглашение на казнь». Его с симпатией вспоминает В. Пелевин устами своей героини. Цинциннат Ц. это эквивалент А Хули, уход обоих героев это расставание со сценой-текстом романа, прощание с героем в обоих романах - это прощание автора с созданным им миром, с тем, чтобы отправиться в другой мир и других героев. Может быть Радужный Поток очень ассоциируется и финалом другого романа «Дар».

В заключении диссертации приводятся выводы.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

Перечень ВАК РФ

1. Ху Цзяжуй. Русская национальная идея в творчестве Виктора Пелевина на примере романа «Generation П» // Мир Науки, Культуры, Образования. 2022. №1 (92). - С. 282-284.
2. Коваленко А.Г., Ху Цзяжуй. Дистопия или Трансгрессия? (Два прочтения повести В. Сорокина «Метель» // «Неофилология». 2023, том 9, № 4. - С. 835-844.
3. Коваленко А.Г., Ху Цзяжуй. Антиномизм и парадоксы дистопии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 4. - С. 50-55
4. Коваленко А.Г., Ху Цзяжуй. «Теория вероятности», или как реконструировать подлинную биографию. Рецензия на книгу: Соколов, Б.В. «Белый был – красным стал». Советские писатели в рядах белогвардейцев / Борис Соколов. – М., Вече. 2023 – 384 с.: илл. – (Литература и история) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. С. 859-865.

Другие публикации

5. Ху Цзяжуй. Исследование восточной философии и культурных элементов в «Чапаев и Пустота // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке – 2021. - № 6.- С.126-134
6. Ху Цзяжуй. Особенности русского постмодернизма в поэме «Москва-Петушки» // Успехи гуманитарных наук –2022 г. №1. - С. 74-79.
7. Ху Цзяжуй. Российская потребительская культура, показанная в постмодернистском романе «Generation П» // Вопросы истории –2021. №12 (5).- С.157-163.
8. Hu Jiarui, Ying Tian. Analysis of the Character in The Sacred Book of the Werewolf // Journal of Contemporary Educational Research. Vol. 5, No 11. 2021. P.10-15.
9. Ху Цзяжуй. Коваленко А.Г. Жанр антиутопии и «антиутопизм» В. Пелевина // Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Том 1, 2023. - С254-260.
10. Коваленко А.Г., Ху Цзяжуй. Антиутопизм в прозе писателей-постмодернистов (В. Пелевин) // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы VIII научной конференции МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва : МАКС Пресс, 2023. - С. 23-26.

Ху Цзяжуй
(Китайская Народная Республика)

АНТИУТОПИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В диссертации предложена принципиально новая концепция функционирования жанра дистопии в современной русской литературе, предполагающая динамическое со/противопоставление элементов утопического и антиутопического мышления автора. Автором предложена модель развития утопизма/антиутопизма в контексте литературного процесса нового времени. Предложена и обоснована идея о том, что религиозно-мифологический дискурс в литературе постмодернизма является жанрообразующим аспектом дистопии. Предложен целостный анализ религиозно-мифологической и антиутопической концепции авторов-постмодернистов в аспекте идейных, пространственно-временных и стилевых составляющих. Осуществлен анализ элементов языческих и религиозных мифов, восточных религий, в частности, даосизма и буддизма в жанровой структуре художественного текста.

Jiarui HU
(People's Republic of China)

DYSTOPIAN AND RELIGIOUS-MYTHOLOGICAL DISCOURSES IN POSTMODERN LITERATURE

The thesis proposes a fundamentally new concept of the functioning of the dystopia genre in modern Russian literature, suggesting a dynamic juxtaposition of elements of utopian and dystopian thinking of the author. The author proposes a model for the development of utopianism/dystopianism in the context of the literary process of modern times. The idea that religious and mythological discourse in the literature of postmodernism is a genre-forming aspect of dystopia is proposed and substantiated. A holistic analysis of the religious, mythological and dystopian concepts of postmodern authors in terms of ideological, spatial, temporal and stylistic components is proposed. The analysis of the elements of pagan and religious myths, Eastern religions, in particular, Taoism and Buddhism in the genre structure of the literary text is carried out.

Подписано в печать: 23.05.2024
Заказ №19921. Тираж 100 экз.
Бумага офсетная. Формат 60x90/16.
Типография «11-й ФОРМАТ»
ИНН 7726330900
115230, Москва, Варшавское ш., 36
(977) 518-13-77 (499) 788-78-56
www.avtoreferat.ru riso@mail.ru

